

**ИСТОРИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

Н. Ф. Котляр

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УДЕЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ НА РУСИ

Речь пойдет об отчинном наследовании земли и прочего имущества в среде древнерусских феодалов, князей, бояр и верхушки дружинников. На мой взгляд, идея отчины и проведение ее в жизнь князьями-Рюриковичами стали мощным стимулом в социальной жизни и государственном строительстве Древней Руси начиная с 60–70-х годов XI в. Однако на первых порах борьба за отчины носила спорадический спонтанный характер, войдя в практику межкняжеских отношений лишь с конца 70–80-х годов XI в.

Полагаю, что отстаивание отчинного принципа унаследования земли и движимого имущества было одной из важнейших причин наступления удельной (феодальной) раздробленности на Руси. По мнению авторитетов исторической науки М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, раздробленность была следствием возникновения и развития феодальных отношений в древнерусском обществе. Раздробленность вызревала в недрах общества не одно десятилетие благодаря его социально-экономическому прогрессу на всей территории государства, в землях и княжествах¹.

В Киевской земле (великокняжеском домене), Черниговском, Ростово-Суздальском, Тверском, Галицком, Волынском, Смоленском, Новгородском и других княжествах в течение XI–XII в. родилась и выросла земельная знать, сперва, по-видимому, княжеская. Вотчинники-феодалы, и не только князья, но и крупные и сильные бояре, сидели в укрепленных усадьбах, а то и замках, имели собственные вооруженные отряды. Не случайно наступление раздробленности совпало по времени с началом активного (во многих случаях вооруженного) участия бояр-землевладельцев в социальной и политической жизни государства. Вотчинники, особенно в удаленных от южных степей землях, перестают быть заинтересованными в общерусских походах на врага, прежде всего на половцев, поскольку, не пускаясь в опасные военные предприятия, получали гарантированную и постоянную ренту от феодально зависимого населения. Отдельные земли государства накануне наступления раздробленности настолько выросли и окрепли, что киевский центр власти с великим князем во главе стал мешать им в проведении внешней и внутренней политики².

С наступлением 40-х годов XII в. князья-Рюриковичи стремятся пустить корни на местах, в землях и княжествах, обзавестись земельными владениями, которых они ранее практически не имели. Многие из них желали передавать столы и волости в наследство детям и внукам,

¹ См.: Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 145–157; Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII вв. // Исторические записки. 1972. № 89. С. 353–408.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 505.

нарушая традиционный порядок «лествичного восхождения». Поэтому в древнерусском обществе с середины 1060 г. князьями-изгоями предпринимаются попытки отстоять «отчинный» принцип замещения княжеских столов.

Само понятие «отчины» вовсе не извечно в летописи. Согласно моим наблюдениям над источниками, оно появляется в Повести временных лет в значении наследственного княжеского владения лишь под 1097 г. в изложении постановления знаменитого Любечского съезда князей о распределении земель в государстве: «Кождо да держить отчину свою: Святополкъ Къиевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю», далее этот текст продолжен словами: «А им же роздаялъ Всеволодъ города: Давыду Володимеръ, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теревовль Василкови»³. Однако отстаивание отчины (без употребления этого термина) отмечено в Повести временных лет уже с середины 60-х годов XI в.

Вероятно, не случайно понятие отчины появилось на страницах летописи лишь в конце XI в. В то время на Руси зарождается индивидуальное землевладение, княжеское и боярское. Природа их была различной. Более того, по смыслу и характеру они во многом противоречили друг другу. Но разница между ними возникла лишь тогда, когда в общественное правосознание вошло само представление об индивидуальном землевладении. Это произошло, по моему мнению, в конце X — начале XI в.⁴ Затем княжеские и боярские владения оформляются обычным правом (вторая половина XI — XII в.). Противоречивость представлений о землевладении разных социальных групп и обуславливала различную мотивацию и поведение князей и бояр в общественно-политической и экономической жизни.

Правовое регулирование земельных отношений на Руси долгое время отсутствовало, даже среди Рюриковичей. Надежды обзавестись волостями среди младшего поколения князей были порождены «рядом» (завещанием) Ярослава Владимировича 1054 г. и его дальнейшим проведением в жизнь. Вот извлечение из краткого текста «ряда», отразившегося в Повести временных лет: «Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу Къиевъ... а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ»⁵. Новгородская первая летопись младшего извода и несколько поздних летописных сводов конкретизируют эту скупую картину раздела Руси между Ярославичами: «И раздѣлиша землю: и взя вятшии Изяславъ Къиевъ и Новгород, и ины города многы Къиевскыя въ предѣлѣхъ; а Святославъ Черниговъ и всю страну вѣсточную и до Муромъ, а Всеволодъ — Переяславль, Ростовъ, Суждаль, Белоозеро, Поволжье»⁶.

Ученые по-разному отнеслись к процитированным словам Новгородской первой летописи⁷, источника вообще солидного и авторитетного: например, А. Е. Пресняков со скепсисом⁸, а М. С. Грушевский, напротив, с полным доверием⁹. Думается, ближе к истине был Грушевский, поскольку раздел государства между Ярославичами отразился в позднейших летописных известиях, а также в «Поучении» Владимира Мономаха. Выглядит правдоподобным, в частности, известие некоторых летописей, например Софийской первой, о переходе Новгорода в сферу власти Изяслава еще при жизни отца, вероятно, вскоре после смерти в этом городе старшего Ярославича Владимира (1052 г.). Повествуя о болезни Ярослава Владимировича под 1054 г., Воскресенская летопись отмечает: «Изяславу сущу тогда въ Новѣгородѣ»¹⁰. На мой взгляд, это

³ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. СПб., 1999. С. 110.

⁴ Котляр Н. Ф. К истории возникновения нормы частного землевладения в обычном праве Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 147–154. Однако само понятие «отчины» родится гораздо позднее.

⁵ Повесть временных лет. С. 70.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 469.

⁷ Эта статья, помещенная в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи.

⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993 (1-е изд. — 1909 г.). С. 35–41.

⁹ Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 46, 62.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 333.

известие заслуживает доверия. Наверное, киевский князь поручил старшему сыну присматривать за отдаленным от стольного града Новгородом подобно тому, как раньше это делал по воле отца Владимир Ярославич. Ведь сепаратистские тенденции тамошнего боярства давали себя знать чуть ли не со времени объединения древнерусских Севера и Юга в конце IX в.

В «ряде» был провозглашен давний порядок замещения столов — «лествичного восхождения», от одного брата к следующему по возрасту, что явствует из рассказа Нестора о последних месяцах жизни Всеволода Ярославича, занимавшего киевский стол с 1078 до 1093 г.¹¹ Для тогдашнего поколения Ярославичей это выглядело естественным. Однако в документе не был упомянут еще один Ярославич — Ростислав, сын Владимира. Ему не досталось ничего из отцовского наследия, да и не могло, на первый взгляд, достаться, поскольку он выпадал из принципа наследования, отстаиваемого Ярославом. Тем не менее есть основания думать, что Ростислав, сын старшего Ярославича Владимира, получил от деда волости, почему-то не упомянутые в его завещании-«ряде».

Под 1060 г. Повесть временных лет кратко отметила: «Преставися Игорь, сынъ Ярославль»¹². Позднейшие летописи добавляют к этому, что Изяслав, Святослав и Всеволод разделили его Смоленскую волость на три части¹³. Между тем Игорь оставил двух сыновей, но дядья ничего не дали им из отцовской волости (или какой-либо другой), превратив их в безземельных князей (изгоев). Тремя годами ранее они поступили так же с единственным сыном умершего Вячеслава — Борисом. Все это заложило зерна больших усобиц в государстве, проросшие двумя десятилетиями позднее.

А в статье 1064 г. Повесть поместила остающееся до сей поры загадочным сообщение: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимеръ, внукъ Ярославль, и с нимъ бѣжа Порѣи и Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы Новгородского. И пришедъ выгна Глѣба¹⁴ изъ Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто»¹⁵. К слову «бѣжа» Никоновский, Тверской и некоторые другие поздние своды прибавляют «изъ Новгорода»¹⁶. Вслед за В. Н. Татищевым С. М. Соловьев утверждал, что Ростислав бежал на юг с Вольни¹⁷, но вряд ли старшие Ярославичи могли отдать ему эту важную для консолидации государства землю и выпустить ее из своих рук. Грушевский высказал вероятную догадку, что уточнение «изъ Новгорода» появилось в позднейших сводах благодаря тому, что вместе с Ростиславом в Тмуторокань отправился Вышата, сын новгородского посадника Остромира¹⁸. Добавлю к этому, что Порей был киевским воеводой, а Вышата еще в 1043 г. ходил вместе с Владимиром Ярославичем в поход на греков¹⁹. Однако это не может быть аргументом в пользу мнения о бегстве Ростислава на юг из Киева.

Зато выглядит вероятным предположение того же Грушевского, согласно которому Ростислав Владимирович получил по «ряду» деда территорию будущей Галицкой земли (Перемышльскую, Теревовльскую и Звенигородскую волости) и был затем изгнан оттуда дядьями. Ведь этот внук Ярослава в час предсмертной болезни деда был уже взрослым княжичем, и Ярославу, можно думать, пришлось дать ему волость, что могло произойти между 1052 и 1054 г. Историк исходил из того, что по решению Любечского княжеского съезда 1097 г. Перемышль и Теревовль были закреплены соответственно за Володаром и Васильком Ростиславичами в качестве пожалования Всеволода Ярославича²⁰. Но тогда почему Ростислав в 1064 г. силой захватил Тмуторокань, где сидел сын Святослава Ярославича Глеб?

¹¹ Повесть временных лет. С. 91.

¹² Там же. С. 71.

¹³ См., например: ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 153.

¹⁴ Сына Святослава Ярославича.

¹⁵ Повесть временных лет. С. 71.

¹⁶ ПСРЛ. М., 1862. Т. 9. С. 92; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 154.

¹⁷ См. разбор различных мнений Д. С. Лихачевым: Повесть временных лет. С. 492—493.

¹⁸ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 53.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 67, 85, 492.

²⁰ Там же. С. 110.

На Любечском съезде был признан отчинный принцип владения землями, поэтому естественно думать, что Ростиславичи добивались в Любече закрепления за ними отчины и получили ее²¹. В историографии остается доминирующей мысль, согласно которой около 1084 г. Рюрик, Володарь и Василько Ростиславичи получили от Всеволода Ярославича отцовские волости, позднее ставшие составными частями Галицкого княжества Володимирка Володаревича²². Возможно, Всеволоду Ярославичу довелось узаконить владение Ростиславичей. Совсем иначе сложилась ситуация для их отца, ставшего первым князем-изгоем (потерявшим волость или не имевшим ее) на Руси.

Ростислав Владимирович в 1064 г. решил с оружием в руках отстаивать свое право на волость перед старшим Ярославичем — Изяславом. По неизвестным причинам он не осмелился отвоевывать западнорусские земли, а посягнул на Тмуторокань, согласно «ряду» 1054 г. принадлежавшую Святославу Ярославичу и его детям. Когда Ростислав в 1064 г. выгнал сына Святослава Глеба из Тмуторокани, Святослав в следующем году вернул Глеба на стол. Но как только Святослав возвратился в свой Чернигов, Ростислав вновь выгнал Глеба и утвердился в Тмуторокани. А в феврале 1066 г. его отравил византийский котопан (наместник) Херсона²³. Летописец объясняет это событие боязнью со стороны греков чрезмерного усиления Ростислава, который проявил себя сильным владетельным князем, собиравшим дань с касогов и иных народов²⁴. Более вероятным, на мой взгляд, выглядит убийство Ростислава херсонским котопаном по наущению Святослава Ярославича, желавшего вернуть город себе и своим сыновьям. В дальнейшем мы видим в Тмуторокани сыновей Святослава Романа и Олега.

Тем временем подросли и умножились княжичи-изгой. В 1073 г., нарушив родовой порядок замещения киевского стола, Святослав Ярославич устранил старшего брата Изяслава и сел на его место. Изяславу пришлось бежать за границу. Святослав сосредоточил под своей властью Киевскую (великокняжеский домен), Черниговскую, Северскую, Муромскую, Новгородскую и Псковскую земли, а также Поволжье и Тмуторокань. По размерам владений, материальным ресурсам и военному могуществу он решительно превосходил Всеволода и руководил вновь созданным дуумвиратом, возникшим скорее *de facto*, нежели путем заключения соответствующего соглашения между братьями. Источники, прежде всего *Повесть временных лет*, скупо освещают недолгое (менее четырех лет) пребывание Святослава Ярославича на киевском престоле. И все же из летописных данных создается впечатление, что он стремился устранить Всеволода от руководства государством. Есть основания согласиться с мнением Грушевского: «Сделав столь сильный шаг на пути к единовластию и устранив одного брата, Святослав вряд ли имел желание успокоиться на этом. Но пока он имел опасного противника в лице Изяслава и пока с ним справился, смерть настигла его, — слишком быстро, дабы он мог обнаружить свои планы»²⁵.

Кончина Святослава в конце декабря 1076 г. превратила его девятих (!) сыновей из могущественных наследников киевского стола в бесправных изгоев, поскольку источники не дают оснований думать, что хоть кто-нибудь из них получил от Изяслава или Всеволода даже незначительные волости. Особенно остро переживал свое общественное падение второй по старшинству Святославич — Олег. Он одним из первых среди поколения изгоев конца 70-х годов XI в. и взялся за оружие, при этом поднялся не против равных себе, а против самого великого князя киевского.

Впрочем, немного раньше по этому пути пошел сын Вячеслава Ярославича Борис. Весной 1077 г. он воспользовался отсутствием в Киеве Всеволода (тот двинулся на Вольнь навстречу возвращавшемуся из Польши брату Изяславу) и дерзким изъездом внезапно захватил Чернигов.

²¹ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 75.

²² См., например: Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 68.

²³ *Повесть временных лет*. С. 72.

²⁴ Там же.

²⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 62.

Правда, он смог удержаться в городе лишь 8 дней (с 4 по 12 мая) и вынужден был бежать в Тмуторокань, где сидел другой изгой, старший сын Святослава Ярославича Роман²⁶. Это стало началом масштабной борьбы изгоев против Всеволода Ярославича, развернувшейся в следующем 1078 г.

В том году к Всеволоду, сидевшему на черниговском столе, явился Олег Святославич, лишившийся, по воле Изяслава Ярославича, Владимира Волынского. Можно допустить, что Олег требовал для себя волости: если не Чернигова, то каких-то городов в Чернигово-Северской земле, как следует из дальнейшего развития событий. Нет сомнения в том, что он руководствовался «отчинным» правом: эта земля принадлежала его отцу. Но вместо удовлетворения его требований Всеволод вместе с сыном Владимиром... угостил его обедом! Оскорбленный Олег бежал проторенным Ростиславом Владимировичем и Борисом путем из Чернигова в Тмуторокань. Там он объединился с Борисом Вячеславовичем²⁷.

Энергично действовавшие сообщники стремились вернуть себе отчины: Олег — Чернигово-Северскую, а Борис — Смоленскую земли. В борьбе за волости они не остановились перед аморальным и небывалым для той поры на Руси поступком: привлекли к участию во внутривластительской борьбе в государстве смертельных врагов — половецких ханов. Трудно сомневаться в том, что содеянное Олегом и его сообщником Борисом произвело тяжелое впечатление на древнерусское общество, приведя его в ужас. Нестор под 1078 г. эмоционально поведал об этом леденящем душу событии: «Приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю... И побѣдиша половци Русь, и мнози убьени быша ту... Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣи много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взицеть Богъ от руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленыя душа хрестьяньскы»²⁸.

И в последующие годы Олег Святославич неоднократно будет наводить половецких ханов на Русь. Минет более ста лет, и безымянный певец «Слова о полку Игореве» страстно осудит Олега, дав ему меткое и красноречивое прозвище «Гориславич»:

«Тъ бо Олегъ мечемь крамолу коваше
и стрѣлы по землѣ сеяше...
Тогда, при Олзѣ Гориславличи
сеяшеться и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьдбожа внука²⁹;
в княжихъ крамолахъ вѣщи человекомъ скратишась.
Тогда по Руской земле рѣтко ратаеве кикахуть,
но часто врани граяхуть,
трупиа себѣ деляче,
а галичи свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие»³⁰.

Вначале Олег с Борисом и половецкой ордой, составившей основную силу их войска, разбили дружину Всеволода и захватили Чернигов. Всеволод попросил помощи у старшего брата, вернувшегося на киевский стол Изяслава Ярославича. Тот, забыв обиду, пришел ему на помощь. 3 октября 1078 г. они совместными усилиями разгромили изгоев в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве вблизи Чернигова. Во время сражения погибли великий князь киевский и Борис. Олег с остатками дружины вновь бежал в Тмуторокань, а Всеволод сел на киевском столе³¹. Так завершился второй акт драмы, повествующей о злоключениях князей-изгоев на пути к овладению отцовским наследием.

²⁶ Повесть временных лет. С. 85.

²⁷ Там же. С. 85, 102. Летописец подчеркнул, что Олег «бежа» от Всеволода.

²⁸ Там же. С. 85.

²⁹ Русские люди считали себя детьми и внуками языческого божества Солнца — Дажьдбога.

³⁰ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники). С. 15–16.

³¹ Повесть временных лет. С. 85–86.

Третий ее акт пришелся на княжение в Киеве Всеволода Ярославича (1078—1093 г.), который в отношении изгоев поначалу действовал быстро и решительно. Он сразу же «посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ»³². Эти действия были направлены прежде всего против Олега Святославича: напомним, что ранее он сидел во Владимире Волынском и зарился на Чернигов. А в Турове княжил одно время отец Ярополка Изяслав. В следующем году Всеволод во главе войска остановил возле днепровской крепости Воинь брата Олега Романа, явно претендовавшего на волость в Чернигово-Северской земле. Затем стоявший у Переяславля Русского Всеволод «створи миръ с половци», приведенными Романом. Смерть Романа от рук тех же половцев на обратном пути в Тмуторокань вряд ли была случайной. Нестор с огорчением отметил: «Суть кости его (Романа. — Н. К.) и доселѣ лежаще тамо»³³.

Властную руку киевского государя можно усмотреть и в другом сообщении Повести временных лет того же 1079 г.: «А Олга (Святославича. — Н. К.) емше козаре и поточиша и за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани»³⁴. Гибель Романа и ссылку мятежного Олега в Византию, вероятнее всего, можно связать с политикой Всеволода, направленной на подавление изгоев, точно так же, как и посадение киевского посадника в Тмутороканском анклав.

Впрочем, летописное известие 1081 г. противоречит мнению о самовластной политике Всеволода Ярославича, одной из целей которой было преодоление выступлений изгоев. Грушевский остроумно заметил, что Всеволод все свое княжение только и делал, что отбивался от изгоев. Историк имел в виду, кроме прочего, известие Повести: «Бѣжа Игоревичъ Давыдъ с Володаремъ Ростиславичемъ... И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани»³⁵. Можно принять мысль историка, согласно которой изгои совершили неудачную попытку отнять у Ярополка Изяславича Волынь или по меньшей мере ее часть, но, получив отпор, подались в далекую Тмуторокань, традиционное убежище изгнанников-Рюриковичей. Это мнение исходит из позднейших попыток Ростиславичей и Давида Игоревича овладеть Волынской землей³⁶.

Важным представляется иное: самовольное овладение Давидом и Володарем принадлежавшей киевскому князю Тмутороканью, да еще и устранение его посадника Ратибора. Ведь это было прямым вызовом Всеволоду, его власти в государстве. Однако киевский правитель не отреагировал на мятежные действия двух изгоев, хотя мог бы послать в Тмуторокань Мономаха и выбить оттуда Давида с Володарем подобно тому, как поступил в 1085 г. его брат Святослав, выгнавший оттуда Ростислава Владимировича.

Можно думать, Всеволод и его соправитель и сын Владимир объективно и трезво оценили положение, сложившееся в Предкавказье. Изгои приносили с каждым годом все больше неприятностей Киеву. Половецкая степь была вечной головной болью киевских государей, а на кочевников опирались изгои. К тому же в то время активизировался Ярополк Изяславич, старейший после Всеволода Ярославич, и приходилось тратить силы на его сдерживание³⁷. Быть может, Всеволод и его сын поняли, что им не удержать Тмуторокань, — коммуникации между нею и другими русскими городами все больше перекрывались половцами?

Вероятно, неожиданно для них вновь сделал русской Тмуторокань Олег Святославич, неожиданно для изгоев (и, можно думать, для киевского князя) явившийся из византийской ссылки. В 1083 г. он схватил Давида и Володаря, а сам уселся на тмутороканский стол. Но вскоре Олег отпустил изгоев на Волынь, где видим Ростиславичей в следующем году³⁸. И вновь Всеволод

³² Там же. С. 87.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 73.

³⁷ Вряд ли Всеволод мог вести себя с Ярополком столь же бесцеремонно, как с прочими изгоями.

³⁸ Повесть временных лет. С. 87.

Ярославич и Мономах не предприняли карательных акций против Олега. Правда, Тмуторокань издавна считалась на Руси владением или хотя бы зоной влияния черниговских князей. Быть может, из-за этого дуумвиры взглянули на дерзкий поступок Олега сквозь пальцы.

Но совсем иначе реагировали они на непослушание Рюриковичей на реально подвластной Всеволоду территории государства. Под 1084 г. Повесть временных лет замечает: «В се же время выбегоста Ростиславича два³⁹ от Ярополка⁴⁰ и пришедши прогнаста Ярополка. И посла Всеволод Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери»⁴¹. Всеволод поступил как настоящий феодальный сюзерен: поставил на место одних вассалов и восстановил в правах другого.

И все же Всеволоду и Владимиру не удалось выдержать последовательную линию соблюдения порядка сюзеренитета-вассалитета и сдерживания непокорных изгоев. В том же 1084 г. «Давыдъ (Игоревич. — Н. К.) зая гръкы въ Олешьи», вероятно, то были «гречники» — русские купцы, ходившие в Византию по Греческому пути. Действия дуумвиров в этом, в сущности, уголовном деле оказались политически нечеткими и компромиссными: «Всеволодъ же, пославъ, приведе и (Давида. — Н. К.), и вда ему Дорогобужъ»⁴². Подобным образом Всеволод с Владимиром пытались усмирить энергичного и бесцеремонного изгоя. Как видим, в отношениях с изгоями дуумвиры использовали политику кнута и пряника: одних подавляли, другим бросали кость. Это приносило временное успокоение политико-социальной обстановки, но в конечном счете вело к ослаблению центральной власти и единства государства, что сказалось вскоре после смерти Всеволода Ярославича и отстранения Владимира от киевского престола, в 1093 и в последующие годы.

Допускаю, что, отдавая Давиду Игоревичу Дорогобуж с волостью, расположенный вблизи Волынского княжества Ярополка Изяславича, Всеволод и Владимир предвидели, что этот изгой, отец которого по «ряду» Ярослава получил город Владимир с землей, будет претендовать на волынский стол. Возможно, дуумвиры стремились таким способом сдержать претензии Ярополка получить часть отцовских владений. А появление на волынском порубежье напористого и неразборчивого в средствах (что он столь ярко продемонстрирует в 1097 г.) Давида Игоревича не могло не встревожить Ярополка. Вероятно, волынский князь увидел в пожаловании его двоюродному брату Дорогобужа (и увидел, убежден, справедливо) стремление киевского государя лишить его Волыни. И поэтому решился на отчаянный шаг.

Под 1085 г. (в действительности это случилось в 1086-м) явно симпатизировавшая старшему Изяславичу Повесть отметила: «Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злых совѣтниківъ». Узнав об этом, киевский князь послал против него Мономаха. Ярополк не стал оказывать сопротивления и бежал в Польшу, оставив в Луцке семью и дружину. А «Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто»⁴³.

Так оправдались наихудшие опасения Ярополка Изяславича. Его опаснейший соперник овладел-таки Владимиром. Поэтому через год «приде Ярополкъ изъ Ляховъ и створи миръ съ Володимеромъ... Ярополкъ же сѣде Володимери»⁴⁴. Кажется, status quo был восстановлен. Но в том же году Ярополк неожиданно двинулся на принадлежавший Ростиславичам Звенигород галицкий и погиб от руки подосланного, вероятно, другим изгоем (Рюриком) Нерядца — не случайно после убийства Ярополка тот бежал к Рюрику в Перемышль⁴⁵.

Стоит отметить удивительную солидарность изгоев в отстаивании своих отчин, даже тогда, когда их самих разделяли несогласия и вражда — они дали себя знать в полной мере десятью годами позднее

³⁹ Не названные по имени.

⁴⁰ Возможно, пересаживали у него в городе Владимире некоторое время после изгнания из Тмуторокани.

⁴¹ Повесть временных лет. С. 87.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 88.

между Давидом Игоревичем и Ростиславичами. Но в 1087 г. все они соединенным фронтом шли на Ярополка, в котором небезосновательно видели преемника Всеволода на киевском престоле.

Велеречиво и трогательно поведав о смерти и торжественном погребении Ярополка Изяславича в киевской церкви святого Петра⁴⁶, Нестор далее на десять лет как будто забывает о судьбах Волынской земли и ее князьях. Но из дальнейших известий Повести временных лет, в частности из установлений Любечского съезда 1097 г., ясно, что Всеволод с Мономахом тогда решили разделить Волынскую землю на несколько волостей. Львиную долю с городом Владимиром получил Давид Игоревич. Берестейскую землю киевский государь отдал старшему с той поры Изяславичу Святополку, а себе взял Погорину, присоединив ее к киевскому великокняжескому домену⁴⁷.

Для темы моего исследования важно то, что Давид наконец получил выделенный его отцу в 1054 г. Ярославом Владимировичем город Владимир Волынский. Однако на этом он не успокоился и продолжал претендовать на иные волости, пусть и принадлежавшие другим Рюриковичам. Близорукая политика умиротворения агрессора в конечном счете привела к страшному преступлению, совершенному Давидом Игоревичем сразу же после княжеского съезда в Любече.

Было ли получение Давидом отцовского Владимира простым стечением обстоятельств? Вряд ли. Слишком активно и открыто домогался он Волыни, чтобы Всеволод с Владимиром могли закрыть на это глаза. Мятежного изгоя, внука Ярослава, можно было утихомирить, даровав ему какое-то владение. Но он получил «отчину». Так впервые на Руси фактически была отдана дань отчинному порядку замещения стола, задолго до Любечского съезда, согласившегося с этим порядком⁴⁸.

Отчинный порядок серьезно подрывал саму идею единовластной монархии и вел к ее структурному ослаблению. Б. Д. Греков считал наивным летописное объяснение неспособности Всеволода держать в повиновении изгоев его немощью и старостью. Историк писал, что тогда уже наступили «новые времена», и присоединился к мнению С. М. Соловьева, что при Всеволоде началась борьба за создание обособленных от Киева «вотчин-княжений»⁴⁹.

Вопреки распространенному мнению о решающей роли землевладельцев-бояр в раскручивании механизма раздробленности, вижу одну из основных причин ее наступления именно в деятельности князей-Рюриковичей, прежде всего изгоев. В источниках отсутствуют сведения о порядке передачи земли и прочего имущества в семьях бояр-землевладельцев. Но естественнее всего думать, что они унаследовали свои земли исключительно по отчинному праву, от отца к сыну, тогда как князья долгое время вынуждены были довольствоваться родовым правом «лествичного восхождения», когда земли и прочее добро передавались от старшего брата к следующему по времени рождения. Младшее же княжеское поколение (сыновья, племянники и др.) не участвовало в этом процессе, многие чувствовали себя обделенными и протестовали против такого порядка, часто берясь за оружие.

Думается, прав был А. Е. Пресняков, утверждая, что изгои расшатывали устои государства, а «Всеволод не в силах довести последовательно до конца политику концентрации волостей и вынужден идти на уступки отчичам отдельных частей земли Русской, уступки, которые подготавливают постановления Любечского съезда»⁵⁰. При этом он, подобно большинству историков, как мне кажется, не учитывал того важного обстоятельства, что Всеволод правил на Руси не единолично, а совместно с сыном.

Трудно уверенно ответить на вопрос: чем была вызвана непоследовательность дуумвиров в деле объединения государства (к чему они явно стремились) и, соответственно, в удерживании в покорности подчиненных им князей? Можно было бы объяснить ее мягким и уступчивым характером Всеволода,

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См: Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 77; Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 49.

⁴⁸ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 207–214.

⁴⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 499.

⁵⁰ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 48.

его отмеченным летописью нежеланием прибегать к силе, когда, казалось, без этого было не обойтись. Но он имел сына и соправителя Владимира, которому было не занимать ни государственного ума, ни решительного характера, ни полководческого умения. Наверное, нечто, не подвластное ни Всеволоду, ни Мономаху, препятствовало им постоянно удерживать в послушании изгоев.

Это «нечто», по моему мнению, находилось в правовой плоскости. Ведь правовое поле «ряда» 1054 г. в сфере престолонаследия и распределения волостей ограничивалось в этом документе единственным, первым поколением Ярославичей — пятью сыновьями старого князя. Даже старший и взрослый внук Ярослава Ростислав не был внесен в «ряд». И хотя нет уверенности в том, что завещание Ярослава дошло до нас в полном и неискаженном виде, приходится исходить из отраженного в летописях текста.

Как бы там ни было, Всеволод с Мономахом к концу 90-х годов XI в., в общем, удовлетворяли претензии изгоев на волости. Казалось бы, последние годы жизни этого еще не старого, пусть и дряхлого, государя могли пройти спокойно. Да этого не случилось. Племянники требовали у него все новых волостей, ему приходилось удовлетворять их аппетиты, и это омрачало его жизнь: «Сѣдящю бо ему Киевѣ, печаль бысть ему от сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти (волости) ов сея, ово же другие; сеи же, омиряя их, раздаваше власти имъ»⁵¹.

Эти искренние слова Нестора свидетельствуют прежде всего о том, что политика Всеволода и Владимира в отношении изгоев не была успешной. Она не принесла дуумвирам удовлетворения, а государству — единства, пусть даже относительного. Покидая мир, Всеволод оставил Русь, на которую надвигалась волна усобиц. Она накрыла государство уже через год после его кончины. И, как и прежде, эту волну взметнули изгои.

Итак, 13 апреля 1093 г. в Киеве скончался Всеволод, последний из сыновей Ярослава. Перед его сыном и соправителем Владимиром Мономахом открывался прямой путь к престолу — пусть, основанный на отчинном порядке, который столь упрямо и отчаянно отстаивали с оружием в руках изгои и, вероятно, сумели утвердить в правосознании части крупных феодалов. Однако Владимир Всеволодич не стал использовать открывшуюся перед ним возможность.

По свидетельству Нестора, «Володимеръ же нача размышляти, река: „Аще сяду на столѣ отца своего, то имам рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столѣ прежде отца его былъ”»⁵². Усматриваю в этих словах четкое доказательство признания Мономахом порядка «лествичного восхождения», ведь, согласно ему, не только Изяслав Ярославич, но и Святополк Изяславич были старшими в роду. Вряд ли нужно искать в поступке Мономаха, добровольно передавшего Киев сидевшему в захолустном Турове Святополку, трезвый расчет или боязнь войны с ним⁵³. Ведь в военном отношении Мономах был неизмеримо сильнее Святополка, да и обладал воинскими способностями, в отличие от этого своего двоюродного брата. В течение последующих двадцати лет, вплоть до вокняжения в Киеве в 1113 г., Владимир Всеволодич последовательно отстаивал принцип родового старейшинства в отношении киевского престола. К тому же, вероятно, дороживший общественным мнением Мономах не мог отказаться от традиционного порядка замещения киевского стола.

Но князья-изгои, прежде всего неутомимый Олег Святославич, продолжали настаивать на своих отчинных правах. Олег жаждал Чернигова с землей, и Мономах в следующем 1094 г. отдал ему город, в котором княжил более двадцати лет. Правда, под грубым давлением со стороны Олега, приведшего с собой к Чернигову половецкую орду.

Еще весной 1093 г. Святополк с Владимиром создают дуумвират, главными тактическими целями которого было отражение резко усилившейся половецкой угрозы и сдерживание натиска изгоев, прежде всего Олега Святославича. Повесть временных лет рассказывает о несчастливой для

⁵¹ Повесть временных лет. С. 91—92.

⁵² Там же. С. 92.

⁵³ См., например: Грушевський М. Історія України-Руси. С. 81.

Руси войне с половцами, в ходе которой «смыслении (мужи. — Н. К.) же глаголаху (Святополку. — Н. К.): “Послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогъ”... Володимеръ же собра вои свои, и посла по Ростислава, брата своего, Переяславу, веля ему помогати Святополку»⁵⁴.

Начало активной деятельности этого дуумвирата приходится на конец февраля 1096 г. Тогда Святополк и Владимир собрались в поход против половцев и позвали пойти с ними Олега Святославича, он пообещал, но уклонился от этого предприятия. После возвращения из победоносного похода дуумвиры принялись упрекать Олега: «Се ты не шель еси с нама на поганья, иже погубили суть землю Русьскую... Ты есть ворогъ нама и Русьстѣи земли». Они пытались принудить черниговского князя присоединиться к их борьбе с кочевниками, но «Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть»⁵⁵. Свою непримиримость к черниговскому князю Владимир Мономах объяснит более чем через двадцать лет после того в «Поучении»: «Зане ся быше (Олег. — Н. К.) приложилъ к половцем»⁵⁶.

Вскоре после этого, в том же 1096 г., Святополк и Мономах позвали Олега Святославича в Киев на снем для публичного заключения договора об объединении сил против половцев. Они явно видели в княжеских съездах средство укрепления единства и военной мощи Руси. Однако Олег отказался выполнить приказ дуумвиров. Он выбежал из Чернигова, затворился в слабо укрепленном Стародубе, где и был ими осажден.

Продержавшись в осаде немногим больше месяца, Олег повинился перед Святополком и Мономахом. Они «вдаста ему мир», но потребовали явиться в Киев на снем для заключения всеобщего мира. Олег пообещал, но вместо того подался отвоевывать у сына Мономаха Изяслава Муромскую землю. Ему нанес сокрушительное поражение старший сын Владимира Всеволодича Мстислав, после чего Святославичу пришлось с повинной головой прибыть на съезд 1097 г. в небольшом городке Черниговского княжества Любече⁵⁷.

Решения Любечского съезда поныне вызывают дискуссии в среде историков. Его участники сокрушались о том, что из-за княжеских свар половцы безнаказанно грабят Русскую землю, и постановили: «Нонѣ отсельѣ имемся въ едино сердце». Затем было принято важное решение: «Каждо да держитъ отчину свою: Святополкъ Киевѣ Изяславу, Володимеръ Всеволожу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославу, а им же (далее названным. — Н. К.) роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду (Игоревичу. — Н. К.) Володимеръ, Ростиславичема Перемышль Володареви, Тереволь Василкови»⁵⁸.

В этом тексте осталось неясным, что же получил из наследства Святослава его старший сын Олег. Из позднейших рассказов летописи узнаем, что после Любеча Давид сел в Чернигове, а Ярослав княжил в Муроме. В научной литературе обычно говорится о том, что на съезде 1097 г. Олегу «Гориславичу» дали Новгород-Северский с волостью. Согласно моим наблюдениям над летописью, Олегу достался всего лишь Курск, тогда провинциальный город в Новгород-Северском удельном княжестве⁵⁹. Он явно был наказан за нежелание воевать с половцами и мятеж против Мономаха и его сыновей.

Историки обращали внимание на то, что в решениях съезда в Любече отчины четко отделены летописцем от пожалований Всеволода Ярославича изгоем. «Летописный пересказ постановлений Любечского съезда... знает только три отчины: Изяславу, Святославу и Всеволожу, а волости, доставшиеся младшим князьям, считает данные им по воле Всеволода»⁶⁰.

⁵⁴ Повесть временных лет. С. 92.

⁵⁵ Там же. С. 96.

⁵⁶ Там же. С. 103.

⁵⁷ Там же. С. 109.

⁵⁸ Там же. С. 109–110.

⁵⁹ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 246–259.

⁶⁰ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. С. 50.

Но существовала ли на самом деле подобная владельческая разница между отчинами и пожалованиями Всеволода? Полагаю, что нет. Прежде всего, вчерашние безземельные изгои почувствовали себя в полученных от киевского государя владениях полновластными хозяевами, что дало себя знать сразу же после съезда в Любече. Во-вторых, за изгоями закрепили, по существу, их же отчины.

Как ни удивительно, никто из историков, провозглашавших новаторство решений Любечского съезда (признание законности отчинного наследия), а то и определения ими политических судеб Руси, как будто не заметил, что они так и не были проведены в жизнь и сразу же были перечеркнуты феодальной смутой, развязанной в стране недавним изгоем, а тогда уже волынским князем Давидом Игоревичем — при содействии одного из гарантов этих решений Святополка Изяславича. Демонстративность поступка Давида поражает: ведь он бросил вызов постановлениям Любеча и всему роду Рюриковичей!

Более того, как справедливо заметил В. О. Ключевский, княжеский съезд в Любече не выработал постоянного правила престолонаследия, не отменил раз и навсегда родового старейшинства и не заменил его отчинным. Его решения были рассчитаны лишь на наличных князей и их отношения⁶¹. Но почему-то все сторонники мнения о замене в Любече родового порядка наследования столов отчинным не заметили того, что в летописном изложении решений съезда об *отчинном наследовании* как раз не было сказано ни слова! Среди историков Киевской Руси, кажется, лишь один Б. А. Рыбаков заявил, что «благородные принципы, провозглашенные в живописном днепровском городке, не имели гарантий и оказались нарушенными через несколько дней после торжественного целования креста в деревянной церкви любечского замка»⁶².

Действительно, лучше всего опровергает распространенное мнение об основополагающей роли съезда в Любече в изменении порядка, принципов престолонаследия и системы княжеского владения волостями ход событий, развернувшихся сразу же после его завершения. Не удовлетворившись обширным Волынским княжеством, Давид Игоревич начал подговаривать Святополка Изяславича против Мономаха и Василька Тербовальского, желая присвоить волость последнего. При этом Давид игнорировал оба главных решения съезда: обязательства князей быть «в едино сердце» и нерушимость владений каждого Ярославича.

После варварского ослепления Василька Ростиславича Давид, в сущности, остался безнаказанным. Разве что под давлением общественного мнения Святополку пришлось отмежеваться от него и даже совершить в том же 1097 г. демонстративный поход против преступника. Давид бежал в Польшу⁶³. Затем у него на съезде князей в Витичеве 1100 г. все же отняли Владимир Волынский с волостью, но взамен дали ряд небольших волынский городков, а Мономах с Ольговичами еще и 400 гривен серебра⁶⁴.

Следовательно, дуумвират Святополк—Мономах не достиг главной цели: приведения в покорность изгоев. Не привели к успеху и попытки привлечь наиболее смиренных изгоев к участию в управлении страной (Давид Святославич). Все это сказалось на целостности государства, которое сразу же почувствовало нарастание натиска Половецкой степи. Благодаря усилиям и решительности Владимира Всеволодича в течение 1103—1116 г. было проведено четыре масштабных похода против ханов, вынудивших их отступить далеко за Дон. Вероятно, эти громкие победы напугали Олега Святославича, навсегда ушедшего в тень. Тем не менее проблема изгоев продолжала беспокоить Мономаха.

Между тем изгои к тому времени обзавелись волостями и вовсе не были безземельными. Другое дело, что почти все они были недовольны имеющимися землями и претендовали на лучшие.

⁶¹ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 192.

⁶² Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 449.

⁶³ Повесть временных лет. С. 114.

⁶⁴ Там же. С. 116.

Решения Любечского съезда в сущности стерли разницу между изгоями и прочими князьями. Почти все они снизили активность в деле добывания земель. За исключением сына Святополка Изяславича Ярослава, которого можно назвать последним изгоем.

К сожалению, почти все процессы и явления, происходившие в государстве в 20–30-х годах XII в., скрыты под спудом летописного текста. А происходили важные вещи. В начале XII в. укрепились галицкие Ростиславичи Володарь и Василько, с оружием в руках отстаивавшие свои волости от Святополка и Мономаха. В течение первой трети столетия Ольговичи с Давидовичами постепенно овладели громадной Чернигово-Северской землей, и это укрепило их экономически, социально и политически, позволив конкурировать с ранее недостижимыми для них Мономашичами. А среди самих Мономашичей после смерти Мстислава Владимировича (1132 г.) возникали противоречия и несогласия. Младшее их поколение составило земельные кланы, оформившиеся к середине 40-х годов XII в. (Мстиславичи и Ростиславичи). Раздоры среди Мономашичей впоследствии позволили потеснить их черниговским Ольговичам и Давидовичам.

16 апреля 1113 г. близ Вышгорода скончался Святополк Изяславич. В городе сразу же вспыхнуло восстание против его прислужников и ростовщиков, которым протезировал покойный. Тогда киевское вече позвало на стол Владимира Всеволодича. «Се же слышавъ Володимерь, плакася велми, и не поиде, жаля си по братѣ»⁶⁵. В этих словах проступают сомнения Мономаха в своем праве занять киевский стол, будучи даже призванным городским вечем. Ведь, согласно порядку родового старейшинства, в Киеве должен был бы сесть Давид Святославич: и он, и его брат Олег в роду Рюриковичей были старше Владимира Всеволодича. Лишь после того как к Мономаху в Переяславль спешно приехало еще одно посольство от киевского веча, умолая его согласиться стать великим князем под угрозой всеобщего восстания в стольном граде Руси, «Володимерь поиде в Киевъ»⁶⁶. Поднявшись на великокняжеский престол более чем в 60-летнем возрасте, Владимир Всеволодич прилагает усилия к укреплению централизации страны и укреплению своей власти.

Подобно своему деду Ярославу, Владимир свободно и по собственной воле перемещал князей из одной волости в другую, не считаясь с порядком родового старейшинства. Его самовластие четко проявилось в 1116 г. в эпизоде с упокорением минского князя Глеба Всеславича, который без его дозволения «воевалъ дрѣговичи и Случескъ пожегъ», но не признал своей вины перед сюзереном, да еще и «противу Володимеру глаголюще, укаряя и». Даже речи не было о вооруженном выступлении Глеба против киевского государя. Но и словесного выражения недовольства оказалось достаточно для того, чтобы Владимир силой укротил Глеба и «наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ» — уже как единоличный сюзерен. Глеб же «обѣдася... по всѣму послушати Володимера»⁶⁷.

В 1117 г. Мономаху довелось усмирить старшего среди изгоев — своего племянника Ярослава Святополчича, сидевшего тогда во Владимире Волынском. Можно предположить, что Ярослав выразил недовольство переводом его старшего сына Мстислава из Новгорода Великого в Белгород, поближе к Киеву. Он, вероятно, усмотрел в этом намерение Мономаха передать главный русский престол в качестве отчины старшему сыну, нарушив порядок родового старейшинства. И не ошибся в своем предположении. Возможного недовольства Ярослава могло хватить для того, чтобы Владимир Всеволодич во главе коалиции покорных ему южнорусских князей пошел на Ярослава и усмирил его, указав ему его место — своего вассала: «И наказавъ его Володимерь о всемъ, веля ему к собѣ приходитьи: “Когда ты позову”»⁶⁸.

Но на этом история с Ярославом не закончилась. Последний изгой, Ярослав Святополчич, пусть и имел власть, Владимирское княжество, однако, без сомнения, претендовал на большее:

⁶⁵ Там же. С. 126.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 128–129.

⁶⁸ Там же. С. 129.

ведь его отец Святополк Изяславич был великим князем киевским и владел большинством русских земель. В следующем году «выбѣже Ярославъ Святополчичъ изъ Володимера Угры, и бояре его и отступиша отъ него»⁶⁹ — окружение Ярослава не верило в успех его эскапады. На этом направленные против киевского князя действия сына Святополка не закончились. Минуло три года, и в 1121 г. «приходи Ярославъ с Ляхы къ Чьрьвну... и воротишася опять, не въспѣвше ничтоже»⁷⁰. Как видим, западные соседи Руси, Венгрия и Польша, поддерживали изгоя, надеясь на него в соперничестве с могущественным киевским государем.

Противоборство Ярослава Святополчича с Мономахом достигло высшей точки кипения в 1122 г., когда Ярослав во главе большого войска, данного ему Венгрией, Польшей и Чехией, внезапно для Владимира Всеволодича осадил Владимир Вольнский. Важно отметить, что его поддержали галицкие Ростиславичи, недавние изгои Володарь и Василько. Положение сидевшего во Владимире сына Владимира Всеволодича Андрея стало критическим, ведь отец не успел прислать ему подмогу. Ситуация разрешилась сама собой. Объезжая город, Ярослав наткнулся на двух враждебных ему поляков, и те убили его. После этого коалиция распалась, а ее участники принесли Мономаху извинения.

Постепенно право отчинности входило в жизнь, его принимала часть господствовавшего слоя. Да и сам Владимир Всеволодич, как было упомянуто, склонялся к этому порядку, намереваясь закрепить Киев за своими детьми. Однако впервые публично провозгласил принцип унаследования киевского стола от отца к сыну (т. е. по вертикали, а не по горизонтали, как было прежде) внук Мономаха, Изяслав Мстиславич, в 1146 г. овладевший главным русским престолом в обход своих дядьев Мономахичей Вячеслава и Юрия и решительно отрицавший права на него другой ветви Рюриковичей — Ольговичей. Началась первая на Руси гражданская война (1146—1151 г.), ознаменовавшая наступление удельной раздробленности государства.

⁶⁹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 205.

⁷⁰ Там же. С. 205—206.